

Панков А. А. Древнерусский приход: Краткий очерк церковно-приходской жизни в Восточной России до XVIII века и в Западной России до XVII века // Богословский вестник 1897. Т. 1. № 3. С. 373—395 (3-я пагин.). (Продолжение.)

ДРЕВНЕ-РУССКІЙ ПРИХОДЪ.

Краткій очеркъ церковно приходской жизни въ восточной Россіи до XVIII вѣка, и въ западной Россіи—до XVII вѣка.

(Продолженіе) *).

Какъ для всего сѣвера Россіи опубликованные Акты Холмогорской и Устюжской епархій представляютъ необыкновенно цѣнный матеріаль для выясненія церковно-приходской жизни давняго времени, такъ точно матеріалы, собранные историкомъ Забѣлицымъ для исторіи, археологіи и статистики города Москвы являются необходимымъ пособіемъ для изученія исторіи церковныхъ приходовъ нашей древней столицы ¹⁾.

*Церковные
приходы въ
Москву
XVII вѣка*

Въ дополненіе къ вышеприведеннымъ извѣстіямъ о древне-русскомъ приходѣ, мы, руководствуясь этими важными матеріалами, можемъ въ нашемъ краткомъ очеркѣ лишь въ сжатомъ видѣ привести существенныя черты изъ жизни и быта Московскаго церковнаго прихода за время патріарховъ.

Нѣтъ надобности пояснять, что исконное право выбора своихъ священно и церковно-служителей и отвода имъ дворовъ на церковной землѣ оставалось за прихожапами въ древней Москвѣ незыблемымъ и что, какъ извѣстно, даже

*) См. Февраль.

¹⁾ Матеріалы для ист., археол. и стат. г. Москвы, собранные Забѣлицымъ, ч. I—1884 г., и ч. II—1891 г. Изъ предисловія къ первой части мы узнаемъ, что при этомъ историко-археологическомъ и статистическомъ описаніи г. Москвы была поставлена весьма широкая задача; такъ, между прочимъ, предположено представить исторію церковныхъ приходовъ существующихъ и упраздненныхъ, сообщить уставы, порядки и обычаи приходскаго общежитія и дать свѣдѣнія о приходскомъ призрѣніи бѣдныхъ (богадѣльни, пріюты) и о другихъ дѣлахъ и дѣйствіяхъ приходскаго міра (школы, убог. дома).

„духовный регламентъ“ съ послѣдующими указами оставлялъ корпоративную приходскую жизнь неприкосновенной, и что только въ концѣ XVIII вѣка право выбора прихожанами приходскаго духовенства было упразднено (II. С. З., 24 Юля 1797 г. № 18016 и Уст. Дух. Консист. 27 Марта 1841 года).

Указавъ въ примѣчаніи ¹⁾ на документы, поясняющіе порядки избранія прихожанами священниковъ, діаконовъ и другихъ членовъ причта, мы здѣсь вкратцѣ, для примѣра, приведемъ актъ выбора церковнаго старосты для церкви св. Николая у Яузскихъ воротъ, въ старыхъ Кошеляхъ, въ лѣто 7199. Въ этомъ актѣ указывается, что для веденія церковно приходскихъ дѣлъ избирался причтомъ, во главѣ со священникомъ, и всѣмъ приходомъ церковный староста, которому вмѣнялось въ обязанность: вести „собственноручно“ приходную (заручную) и расходную книги, радѣть вседушно объ украшеніи св. церкви и у священника быти въ послушаніи и безропотно въ церковномъ дѣлѣ, и безъ вѣдома священника и приходскихъ людей совѣту собою ничего не строить“ ²⁾. Какъ видно изъ записей церкви Св. и Чудотв. Николая, что за Арбатскими воротами (176 года) такихъ церковно-приходскихъ книгъ въ старину велось не мало; именно при названной церкви заведены были слѣдующія книги: 1) книга попомъ и дьякономъ, о перехожихъ, 2) книга, гдѣ записывались восковыя свѣчи, 3) книга пустовыхъ церковныхъ земель, 4) книга печатная, гдѣ грамоты и наказы записывались и 5) книга восковому приходу и расходу ³⁾.

Древній Московскій городской приходъ былъ единицей

¹⁾ См. напр. о выборахъ прихожанами священно и церковно-служителей и объ отводѣ имъ земельныхъ участковъ, въ XVII и XVIII вѣкахъ, въ I-ой части Матер., стр. 878 (цер. кв. Мих. Черниг. подъ Боромъ); см. тамъ же перехожія памяти на стр. 149—151; дальѣ см. стр. 696, 866, 873, 874, 890 и мн. друг.—Во II части см. Строельную книгу №№ 153, 161; Писц. книгу 194 г. №№ 224, 225, 230, 238; Писц. книгу 189 года №№ 248, 255; Писц. книгу 187 года № 280.—См. истор. замѣтки о правѣ выбора прихожанами своего причта у Суворова, Курецъ церк. права, стр. 196 и 197.

²⁾ Матер. ч. I, стр. 646. Весьма любопытно, что по этому акту отъ церковнаго старосты требовалось знаніе грамоты; самый актъ поименно священникомъ и прихожанами, въ томъ числѣ и жевидной.

³⁾ См. Матер., ч. I, стр. 607

вполнѣ опредѣленной въ географическомъ отношеніи, и въ каждомъ приходѣ числилось опредѣленное количество дворовъ (отъ нѣсколькихъ десятковъ до нѣсколькихъ сотенъ). Съ каждаго прихода въ патріаршую домовую казну собиралась „церковная дань“, и она была опредѣлена по особому окладу съ приходскихъ дворовъ: поповскихъ, причетническихъ, дворянскихъ, старостинскихъ, и сотскихъ, торговыхъ и жилецкихъ (рядовыхъ) людей, при чемъ эта дань съ дворовъ дворянскихъ и поповскихъ была наибольшая (съ перваго — шесть денегъ, со втораго — четыре деньги). Отъ этой дани были освобождены дворы митрополичьи, архіерейскіе, епископскіе, а также дворы бояръ и окольныхъ и ихъ женъ ¹⁾.

При всѣхъ городскихъ и предмѣстныхъ Московскихъ церквахъ находилась церковная земля (не тягала), на которой и было расположено мѣстное кладбище ²⁾, дворы священно и церковно-служителей, дворы, отдававшіеся „людямъ всякихъ чиновъ“ въ оброкъ, который шелъ „попу или на церковное строенье“ ³⁾, кельи или избы для нищихъ (иногда съ огородомъ) и для вдовъ ⁴⁾, и при нѣкоторыхъ церквахъ на той же церковной землѣ были лавки, отдаваемыя тоже въ оброкъ ⁵⁾, и построены богадѣльни, гдѣ призрѣвались приходскіе старцы и старицы, вдовы и убогіе, а также больницы для бѣдныхъ. Во

¹⁾ См. патріаршіе указы патріарховъ: Филарета Никитича, Іосифа, Адріана, на стр. 1193, ч. I, Матер. „церковная дань“. Мы здѣсь не говоримъ о сборахъ собственно съ церкви и съ церковнаго причта, которые были довольно значительны (наприм. съ церковей: подможные, то есть сборы для полковыхъ священниковъ, на иподіаконовъ и нѣвчихъ патріарха, съ благословенныхъ грамотъ, и т. п.

²⁾ Кладбища находились даже и при Кремлевскихъ церквахъ. какъ о томъ свидѣтельствуетъ „Строельная книга“ церковныхъ земель 7165 г., Кремль городъ, II ч. Матер.

³⁾ См. Матер. ч. II, Строельн. книг. №№ 22, 26, 46, 50, 52, 69, 78, 79, 82, 84, 89, 91, 95, 101, 103, 109, 129, 151, 153, 162, 178, 183, 203 и 214. Особенно наглядное представленіе о дворахъ приходскихъ даетъ „Ружная размытнкая книга“ (ч. II, стр. 423 и слѣд.).

⁴⁾ См. Матер., ч. II, Строельн. кн., №№ 25, 62, 63, 73, 75, 84, 93, 114, 132, 154, 156 (мѣста нищихъ съ огородомъ) 159, 162, 171, 181, 185, 189, 201.

⁵⁾ См. Матер., ч. II, Строельн. кн. №№ 35, 44, 177.

главѣ этихъ богоугодныхъ учреждений ставились старосты, и иногда особый священникъ ¹⁾). Почти при всѣхъ значи-

¹⁾ Изъ приходскихъ богадѣленъ въ XVII вѣкѣ извѣстны: 1., женская богадѣльня (16 старицъ) при церкви Введенія Пр. Богородицы въ Барашахъ (Матер. ч. I, стр. 630, 728); 2., для убогихъ людей при церкви Срѣтенія Пр. Богородицы Владимірскія, что за Покровскими воротами (ч. I, 729, 730; упоминается о постройкѣ каменной богадѣльни въ XVIII вѣкѣ „на прежнее мѣстѣ“); 3., при церкви Покрова Пр. Богородицы на Покровкѣ, на 100 человѣкъ (ч. I, стр. 482 и 728); 4., при церкви Бориса и Глѣба, что на Смоленской улицѣ (Мат., ч. II, Швец. кн. 194 г. № 223, стр. 278); 5., Егорьевская, что въ Ендовѣ, за Москвою рѣкою (ч. I, 123 и 862); 6., Благовѣщенская, что на старомъ Ваганковѣ (ч. I, патриар. расх. стр. 123); 7., Успенская на Могилицахъ (ibid.); 8., при ц. Власія, въ Коношенной (ibid.); 9., Николаевская, что на Мясницкой (ibid., стр. 133); 10., Успенская, при церкви Успенія Божіей Матери, что на Покровкѣ, на 80 человѣкъ (ч. I, стр. 484); 11., при церкви св. Николая Чуд. у Вороникаго моста, для вдовъ и дѣвицъ (ч. I, стр. 515 и 521), 12., при цер. Воскресенія Христова въ Коношенной (ч. I, стр. 598); 13., при цер. Михаила Мгна, на Туриневскомъ дворѣ, на Моховой улицѣ, на 167 чел. (ч. I, стр. 977); 14., при Николаевской церкви, въ Столахъ (ibid.); 15., при Воскресенской цер., что у Кузнецкаго моста, на Петровкѣ (ibid.); 16., у Смоленскихъ воротъ (ч. I, стр. 1089). Кромѣ того въ ту же эпоху извѣстны были богадѣльни и больницы, учрежденныя частными лицами на свои средства; такъ въ память освобожденія Москвы отъ поляковъ, и для поминанія родителей своихъ, князь Дмитрій Пожарскій устроилъ на Лубянкѣ, близь своего дома, при церкви св. Θεодосія богадѣльню, которая слѣла Пожарскою, а потомъ Θεодосьевскою (ч. I, стр. 133) и (ч. II, Строевльн. кн. № 96). Бояринъ Ртищевъ, извѣстный филантропъ XVII вѣка, учредилъ у Никитскихъ воротъ больницу на нѣсколько кроватей. Князь Черкасскій, въ 1652 году, построилъ больницу съ церковью для бѣдныхъ въ Новоспасскомъ монастырѣ. Извѣстна была Богословская богадѣльня, въ Бронной слободѣ, въ которой содержалось 100 человѣкъ на иждивеніи Архангельскаго собора, когорый изъ доходовъ съ своихъ вотчинъ ежегодно отпускалъ на эту богадѣльню по 300 рублей съ гмѣ, чтобы богадѣльные пищѣ молились объ успокоеніи царскихъ родителей. Изъ больницъ и богадѣленъ, устроенныхъ при монастыряхъ извѣстны: 1., больница при Богоявленскомъ монастырѣ, за Ветюшимъ рядомъ (Мат., ч. I, стр. 401), 2., при Знаменскомъ монастырѣ (ч. I., 406); 3., при Чудовомъ монастырѣ (ч. I, 256), 4., Моисеевская богадѣльня, при Моисеевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ (ч. II, Швец. кн. 194 г. № 243); 5., въ Срѣтенскомъ монастырѣ родъ больницы „болящимъ и бродящимъ и лежащимъ нищимъ по улицамъ“. Изъ богоугодныхъ заведеній, получавшихъ содержаніе изъ царской казны назовемъ: 1., богадѣльня такъ называемыхъ „Богомольцевъ Верховныхъ“, помѣщавшаяся въ Кремлѣ (ч. II, 542), Никитскія богадѣльни на 100 человѣкъ, построенныя изъ Дворца, за Никитскими воротами (ч. II, 451, 542), 3., Богадѣленныя избы у Благовѣщенскаго протокона и на Бугуркахъ (ч. I, 541, ч. II, 542); 4., Богадѣльня при церкви св. Николы Явленнаго

тельныхъ храмахъ особенно соборахъ и вѣроятно при всѣхъ приходскихъ церквахъ всегда бывали „записные нищѣ“, особая артель; такъ напримѣръ извѣстны Успенскіе штатные нищѣ ¹⁾, Архангельскіе, Чудовскіе, Васильевскіе (при церкви Василя Блаженнаго), при соборѣ Николы Гостунскаго, Богоявленскіе нищѣ калѣки въ кибиткахъ, въ Кремлѣ, и друг. Старая Москва вообще любила подавать нищимъ людямъ церковнымъ, питавшимся при церквахъ Божіихъ; подать нищему значило самому Христу подать ²⁾.

на Арбатѣ, 5., Боровицкая у Боровицкаго моста и друг.—Наконецъ было весьма много богадѣленъ и больницъ, устроенныхъ патріархами, 1., такъ, патріархъ Филаретъ отъ себя соорудилъ въ Москвѣ въ 1626 году больничный монастырь во имя св. Феодора (Мат. ч. I, 1089, ч. II, 617), 2., Кировская келейная патріарха Іова, или „нищенпитательница“ на Кулижкахъ, 3., Тихоновская патр. Іоакима у Арбатскихъ воротъ, при церкви Тихона Амавунтскаго, 4., при цер. „Всѣ святые“, что за Варварскими воротами, на 100 человекъ (ч. I, 494, 1089), 5., около Троицкаго подворья (ч. I, 156), 6., при цер. Петра Митроп., что у Петровскихъ воротъ, богадѣльня и женская больница (ч. I, II. Писц. кн. 189 № 258, ч. I, стр. 541. Свѣдѣнія о древнихъ русскихъ богадѣльняхъ и больницахъ можно почерпнуть изъ: 1., стат. Снегирева „Справки о началѣ богадѣленъ“ и бытѣ нищихъ въ Москвѣ до XVIII вѣка, въ Литер. вечерѣ, изд. въ Москвѣ, 1844 г., 2., Лешковъ, Рус. нар. и госуд., стр. 591, 599, 602—603. 3., Лѣтон. цер. Георгія, Чт. Об. Ист. и Древ. 1875 г., кн. I, и въ особенности въ Матер. для истор. Москвы, Забѣлина въ ч. I: „нищѣ и богадѣльни“, стр. 1084 и слѣд и ч. II „имянная подушная кн.“, стр. 603—606, гдѣ обозначены 33 нищенскихъ богадѣльни.

¹⁾ Успенскіе нищѣ были постоянными гостями за патріаршимъ столомъ и пѣвали патріарху и его гостямъ „лазаря“. См. о постоянномъ кормленіи нищихъ патріархомъ и о раздачѣ имъ въ широкихъ размѣрахъ милостыни при всякомъ выходѣ и выѣздѣ, Мат., ч. I „Домъ Святѣйшаго Патріарха“, въ частности „нищѣ и богадѣльни“, стр. 1084. Собранными историкомъ Забѣлинымъ матеріалами выясняется та громадная роль, которая была присуща патріарху, какъ „владыкъ-отцу“, въ домашней и общественной жизни всѣхъ Москвитинъ, начиная отъ царя и до простолюдина. Патріархъ былъ доступенъ всѣмъ классамъ населенія, онъ одинаково благоговалъ иконами лицъ царскаго дома, бояръ, торговыхъ людей, духовенство и простолюдиновъ, когда они приходили къ нему по своимъ важнѣйшимъ домашнимъ или общественнымъ дѣламъ, или съ „имяннымъ прогомъ“: патріархъ равно ходилъ на погребеніе и къ боярамъ и къ простымъ монахамъ и къ людямъ низшаго званія. (См. предисловіе къ ч. I Матер.) См. о Патріаршей благотворительности у Филарета, Ист. Рус. цер., ч. I, стр. 305, § 42

²⁾ См. Забѣлинъ, *ibid.*, ч. I, стр. 257, то-же предисловіе, стр. 50, 73, 74.

Кромѣ нищихъ и увѣчныхъ, приходская благотворительность обращала также вниманіе на дѣтей убогихъ людей и на сиротъ и спѣшила придти къ нимъ на помощь. Такъ, въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ находился „пріютъ для дѣтей“ „(ребятъ)“ при Боровицкой богадѣльнѣ, что у Боровицкаго моста, и такой же пріютъ при Кировской богадѣльнѣ, гдѣ воспитывались подкидыши и круглые сироты. Изъ указа царя Ѳеодора Алексѣевича отъ 1682 года о построеніи въ Москвѣ двухъ шпиталенъ, одной въ Знаменскомъ монастырѣ, что въ Китаѣ, а другой на Гранатномъ дворѣ, что за Никитскими воротами, видно, что надзоръ за ними былъ ввѣренъ „доброму дворянину“, который бы то дѣло дѣлалъ одной ради любви Божіей съ охотою“; въ этомъ указѣ находилось и положеніе о нищенскихъ дѣтихъ, которыхъ надлежало отдавать въ школы для обученія грамотѣ и ремесламъ и, такимъ образомъ, изъ празднопшатающей молодежи готовить полезныхъ гражданъ, способныхъ замѣнить ремесленниковъ изъ иностранцевъ и способствовать тѣмъ умноженію народнаго благосостоянія ¹⁾. Приходская церковь, по замѣчанію историка Забѣлина, въ древнее время, до 1722 года, нося теперешнее значеніе церковнаго прихода, вмѣстѣ съ тѣмъ обозначала, что въ сущности для прихожанъ это было ихъ родовое кладбище, ибо здѣсь, и подъ помостомъ храма, и вокругъ его стѣнъ были погребены родители, въ смыслѣ всего родства живущихъ. Здѣсь, главнымъ образомъ, и скрывалась та живая, можно

¹⁾ См. указъ царя Ѳеодора Алексѣевича „о призрѣніи убогихъ и уменьшеніи нищихъ“ въ сочин. Берха „Царств. царя Ѳеод. Алекс., 1835 г., ч. II, стр. 86—100. По мнѣнію Лавровскаго („О древне русскихъ училищахъ, Харьковъ, 1854 г., стр. 61—63) при церквяхъ были особыя зданія (страннопріимницы—ксеводохіи), гдѣ содержались на церковный счетъ дѣти блуждающихъ родителей и сироты. Такъ авторъ „Стенной книги“, говоря объ утвержденіи христіанства и объ устройствѣ церкви, прибавляетъ, что пожертвованія въ пользу церкви дѣлались, между прочимъ, и „возраста ради сиротъ“. Однако ссылка Лавровскаго на уставную грамоту митр. Кириана (А. А. Э., т. I, № II), въ которой содержится приказъ митрополита: „ходити же вси по моей грамотѣ: игумень сироты держи, а сироты игумена слушайте, а дѣло монастырское дѣлайте“, врядъ ли можетъ быть принята, такъ какъ названіе „сиротъ“ часто усвоилось крестьянамъ; см. напр. посланіе св. Іосифа Волоцкаго о милowanіи рабовъ, въ Дон. къ Ак. Ист., т. I, № 213.

сказать, родственная связь приходскаго населенія не только съ своимъ кладбищнымъ храмомъ, но и съ его причтомъ, и съ каждымъ дворомъ, входившимъ въ составъ прихода. Въ то время на этомъ общемъ родительскомъ кладбищѣ представлялось несравненно больше случаевъ всякое приходское дѣло дѣлать сообща, общою думою и общимъ совѣтомъ. Годовой кругъ церковныхъ служеній и церковныхъ, даже мѣстныхъ приходскихъ обычаевъ, на примѣръ родительскіе поминки, сосредоточивалъ населеніе у дверей храма, на его „монастырѣ“, какъ въ старину обозначалась мѣстность кладбища, обнесенная оградой. Часто выдаясь, люди хорошо знали другъ друга и потому, какъ на примѣръ въ посадскихъ слободахъ, могли избрать и въ слободскіе и въ приходскіе старосты лицъ вполнѣ всѣмъ знаемыхъ. По тѣмъ же обстоятельствамъ прихожане съ особымъ интересомъ должны были относиться и къ составу своего причта, избирая общимъ совѣтомъ и заручною челобитною не только достойнаго священника, но и пономаря, и просвирию и сторожа. За то и попеченіе прихожанъ о своемъ причтѣ распространялось даже и на его потомство. Не только сынъ священника, но и его малолѣтній внукъ, окружались заботами о сохраненіи за ними приходскаго мѣста, съ какою цѣлью прихожане приглашали сторонняго священника, такъ сказать — воспитателя, служить въ приходѣ на время, до возраста наслѣдника прежняго настоятеля, жить въ его домѣ, и снабжать его изъ церковнаго дохода. По старымъ обычаямъ приходскія мѣста для причта были по большей части наслѣдственны и этотъ обычай несомнѣнно укоренялся именно добрыми отношеніями прихожанъ къ своему причту, такъ какъ неугодное имъ лицо, противъ ихъ желанія и воли, очень рѣдко и опредѣлялось на свое мѣсто; въ противномъ случаѣ обыкновенно всегда возникали жалобы и подавались челобитья о переменѣ неизбраннаго всѣмъ приходомъ. Древняя Москва всѣми своими сословіями жила въ тѣсной общей связи, всегда по преданіямъ отцовъ и дѣдовъ, крѣпко охраняла свое единомысліе всѣмъ міромъ своихъ обывателей, именно во всемъ томъ, что касалось церковныхъ обычаевъ и порядковъ и всего церковнаго устройства, вѣдомаго святѣйшимъ владыкою ¹⁾. Къ этимъ

¹⁾ См. Матер., часть I, предисл., стр. 59, 60, 65 и въ текстѣ, стр. 878.

словамъ нашего извѣстнаго историка о живой взаимной дѣятельности и самопомощи древне-русскаго Московскаго прихода мы, на основаніи тѣхъ же матеріаловъ, можемъ добавить, что опубликованные многочисленныя и разнообразныя акты свидѣтельствуютъ весьма краснорѣчиво объ этой самодѣятельности и родственности прихожанъ, которые, совмѣстно съ священникомъ, постоянно участвуютъ въ устройствѣ своихъ общихъ приходскихъ дѣлъ. Такъ прихожане защищаютъ въ своихъ челобитныхъ къ царю интересы своего священника, у котораго, по сознанію прихожанъ, неправильно отмѣрили и отнимали дворовое его мѣсто подъ кладбище, или же ходатайствуютъ за овдовѣвшаго священника о представленіи ему дальнѣйшаго священствованія (о дачѣ „епитрахильной памяти“, ¹⁾, то устраиваютъ для избранныхъ ими причетниковъ, а также просвирни, дворовыя мѣста для жительства и совмѣстно со священникомъ хлопчатъ объ обѣленіи сею участка ²⁾, то наконецъ заботятся, также при участіи священника, объ устройствѣ придѣловъ (престоловъ) въ своей церкви, о ея нуждахъ, или же о постройкѣ и освященіи новой церкви ³⁾. Наконецъ, при томъ стремленіи къ высшему образованію, которое въ XVII вѣкѣ охватило наши свѣтскіе и духовныя правящія классы, а также и частныхъ лицъ, какъ на примѣръ бояръ Ртищева, Морозова и др., московскіе прихожане не остались равнодушными къ этому благовому дѣлу, какъ свидѣтельствуетъ челобитная частныхъ людей, прихожанъ церкви Св. Іоанна Богослова, поданная ими царю и патріархамъ въ 1668 году о разрѣшеніи устроить въ своемъ приходѣ грамматическую школу. Въ этомъ письмѣ прихожанъ, между прочимъ, сказано; „Еще же и другую благородную и полезную православному народу умысливши вещь,

¹⁾ См. Мат., ч. I, стр. 485 и др. и ч. II, Строельная книга, № 142.

²⁾ См. Матер., ч. II, Строельная кн., №№ 153, 161, Шисц. кн. 194 г. № 226.

³⁾ См. Матер., ч. I, стр. 358, 420 — 423, 449, 484, 498, 616, 628, 646, 674, 866, 876, 882, 891, 895, 902.

Въ лѣтописи пер. Св. Георгія, на Веспольи (см. Чт. Об. Ист. и Древ. Рос., 1875 г., кн. I) говорится, что этотъ храмъ съ самаго начала своего существованія поддерживался, исправлялся и украшался единственно изъ мѣстныхъ средствъ и отъ вспомошествованія прихожанъ (стр. 108).

сирѣчь Словенскія грамматики училища состроеніе, учителя и учениковъ пристяжаніе, написахомъ челобитную къ пресвѣтлому Царскому величеству, да изволитъ намъ сіе начинаніе къ совершенію возводить“. Оба патріарха восточные Паисій и Макарій и Московскій патріархъ Іоасафъ двумя грамотами утвердили сіе намѣреніе по одобреніи его царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ; при этомъ патріархи указали грихожанамъ, чтобы у нихъ священнику быть ученому, могущему учить народъ, а при ихъ церкви быть школѣ Греческія и Славянскія и Латинскія грамматики, и чтобы въ церкви было пѣніе партесное. ¹⁾

Въ такомъ видѣ обрисовывается предъ нами древне-русскій православный приходъ въ своемъ самоуправленіи, самопомощи, въ своихъ благотворительныхъ, просвѣтительныхъ и церковно-устроительныхъ дѣлахъ.

Можно съ полною увѣренностью сказать, что возвышавшійся крестъ на православномъ храмѣ служилъ въ старину стягомъ, подъ который съ чувствомъ самоотверженія становились добрые и благочестивые люди, и они своими тихими и незримиыми для насъ подвигами, въ свою очередь, способствовали укрѣпленію православной церкви и русскаго государства, особенно въ эпоху тяжкихъ испытаній, которыхъ встрѣчалось немало на пути нашей прошлой жизни.

Теперь мы должны коснуться тѣхъ обычаевъ и порядковъ, которые были заведены нашими предками въ ихъ общинныхъ праздникахъ и пирахъ. Эти праздничныя собранія, помимо ихъ бытовыхъ сторонъ, могутъ главнымъ образомъ интересовать потому, что они всего рельефнѣе указываютъ на сплоченность и организацію церковно-приходской общины, всегда стремившейся сохранить за собою право собственности суда и самоуправления.

*Приходскіе
обычаи и
порядки.*

*Складочные
пиры.*

¹⁾ Письмо прихожанъ и грамоты патріарховъ находятся въ Рук. Синод. биб., № 130, л. 153, 189 и 190. См. прибавл. къ Твор. св. от. 1845 г. „О духовн. училищ. въ Москвѣ, XVII вѣка“, стр. 167 и 168—171, тоже см. Ист. Рос. іерар. собр. Амвросіемъ, 1807 г., ч. 1, стр. 419 и 420. Въ грамотѣ патріарха Іоасафа эта школа названа „гимнасіей“ и „гимнасіономъ“.

Съ незапамятныхъ временъ, въ нарочито избранные праздники, обыкновенно въ дни рождественскіе или пасхальные, а также въ дни памяти покровителя святаго, въ честь котораго была выстроена церковь (кромѣ того и въ дни родительскіе поминальные, въ дни заложения церкви) устраивались повсемѣстно на Руси — въ городахъ и селеніяхъ — „складочные пиры“, ведущіе свое начало, быть можетъ, со временъ языческихъ. Эти праздники и поминанья, сопровождавшіеся непременно такимъ пиромъ въ складчину, носили весьма понятное названіе „братчинъ“ ¹⁾, и продолжались нерѣдко нѣсколько дней подрядъ (обыкновенно три дня); такимъ образомъ справлялись „братчины - никольщины“, „братчины - михайловщины“, „братчины - рождественскія“, „братчины-успенщины“, „братчины-покровщины“ и т. п.; на Пасху было въ обыкновеніи по селамъ учреждать большую братчину въ понедѣльникъ. Участники такихъ пиршествъ, члены братчины, давали свою „сыпь“ натурой — съѣстными припасами, ячменемъ (и другимъ зерномъ), — солодомъ, медомъ, пивомъ; со временемъ этотъ вкладъ участника опредѣленъ былъ извѣстною суммою денегъ, которая, впрочемъ, зависѣла отъ щедротъ и достатка участника. На этихъ пирствахъ, по старинѣ, допускались пѣсни, игры, пляски скомороховъ, стихотворцы-потѣшники (глумцы), развеселые шутники съ медвѣдями и учеными собаками, давашіе цѣлыя сценическія представленія съ пе-

¹⁾ О древнемъ и важномъ значеніи братчинъ въ жизни нашего народа свидѣтельствуетъ языкъ: въ извѣстной каждому поговоркѣ братчина является представительницей всякаго общаго дѣла, союза; о человѣкѣ не способномъ по своей сварливости, неуживчивости къ общему дѣлу, говорятъ: „съ нимъ пива не сварить“. Замѣчаніе Соловьева въ его статьѣ „Братчины“, Рус. Вѣстн. 1856 г., кн. IV (смѣсь). Соловьевъ предполагаетъ также что братчины ведутъ свое происхожденіе изъ временъ языческихъ, что ихъ можно разумѣть подъ языческими „закономными обѣдами“. Знаменскій въ статьѣ „Прих. духов. на Русн“ (Прав. Обоз. 1866 г., сент., на стр. 10—12) указываетъ на превращеніе языческихъ пировъ въ христіанскія братчины съ тѣмъ же общественнымъ значеніемъ, и приводитъ слѣдующія народныя поговорки и пословицы: „къ пиву ѣдется“, „было бы пиво на погостѣ, а у пива будутъ гости“.

О значеніи слова „братчины“ см. Словарь рус. языка, изд. Имп. Акад. Наукъ, 1891 г.; въ особенности же Матер. для слов. древ. рус. языка, Срезневскаго, т. I, 1893 г., „Братчина, Братщина, братщина“ — праздничный пиръ складчиной.

перяживаніемъ и въ шутовскихъ маскахъ (личинахъ). Подъ влияніемъ этого веселья молодежь развертывала свою удаль, боролась, бѣгала въ запуски, скакала на лошадяхъ въ перегонки, метала копьемъ въ кольцо, положенное на землѣ, стрѣляла изъ луковъ и иногда, въ недобрый часъ, веселое собраніе кончалось общей свалкой и побоищемъ.

Въ нашихъ былинахъ сохранились воспоминанія о такихъ „братчинныхъ пирахъ“. Въ Новгородской былинѣ о Василии Буслаевичѣ поется воспоминается о пиршествѣ такой „братчины-никольщины“:

„Послышалъ Васинька Буслаевичъ
 „У мужиковъ Новгородскихъ
 „Канунъ варень, пива ячныя,
 „Пошелъ Василій со дружиною,
 „Пришелъ во братчину во Никольщану:—
 „„Не малу мы тебѣ сыпь платимъ,
 „„За всякаго брата по пяти рублевъ“.—
 „А за себя Василій даетъ пятьдесятъ рублевъ,
 „А и тогъ то староста церковный ¹⁾
 „Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину;
 „А и зачали они тутъ канунъ варень пить,
 „А и тѣ то пира ячныя.
 „Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ
 „Бросился на царевъ кабакъ,
 „Со своею дружиною хораброю;
 „Напились они тутъ зелена вина
 „И пришли во братчину въ Никольщину.

Въ другомъ вариантѣ той же быliny говорится:

„Мужики Новгородчана, на питье они завидные,
 „Никола Зиповьевичъ, Ома Родіоновичъ ²⁾,
 „Засмѣкали они собирать братовщины Никольщины:

¹⁾ Въ первомъ изданіи (анонимномъ — Древне-рус. стихотв. Москва, 1804 г., стоитъ: „А и тутъ-та церковной староста“. Вообще редакціи сихъ стихотвореній—1804 и 1818 гг.—различествуютъ. Такъ въ первой редакціи, именно 1804 года, первая строка пишется: „Послышалъ Василій Буслаевичъ“ въ 11-й: „Зачали канунъ они вареной пивъ“; въ 12-й: „А и тѣ то пивъ пива ячныя“; въ 14-й „Онъ тутъ бросился на царевъ кабакъ“; въ 16-й: „Напились они всѣ зелена вина“.

²⁾ Старшины Новгородскіе и старосты въ братчинѣ.

„Насобирали они хлѣба семнадцать мѣръ,
 „Пакурили они зелена вина,
 „Пьютъ веселятся мужики Новгородчана“.

Также о такой „братчинѣ-никольщинѣ“ поется-вспоминается въ другой не менѣ знаменитой былинѣ, „о Садко богатомъ гостѣ“:

„И будетъ во Повѣгородѣ,
 „У того ли Николы Можайскаго;
 „Тѣ мужики Повогородскіе сходилися
 „На братчину Никольщину,
 „Начинаютъ пить канунъ ¹⁾, пива ячныя:
 „И пришелъ тутъ къ нимъ удалой добрый молодець,
 „Удалой молодець былъ Волгской сурь ²⁾,
 „Бѣсть челомъ, поклоняется:
 „ „А и гой вы еси, мужики Повгородскіе!
 „ „Примите меня во братчину Никольщину,
 „ „А и я вамъ сынъ плачу немалую“,
 „А и тѣ мужики Повогородскіе
 „Примали его во братчину Никольщину.
 „Даль молодець имъ пятьдесятъ рублевъ“.

Былины приписываютъ Садко построение нѣсколькихъ церквей въ Новгородѣ и повѣствуютъ, что онъ, вступивъ въ братчину, сдѣлалъ закладъ, побѣдилъ и на свои средства отстроилъ съ особеннымъ великолѣніемъ церковь Николы Можайскаго, которая именуется его „приходомъ“:

Взглянулъ Садко онъ на Новгородъ, —
 „Узналъ онъ церкву, приходъ свой,
 „Того Николу Можайскаго“.

¹⁾ По толкованію проф. Голубинскаго. (Ист. рус. цер., т. I, ч. I, стр. 441) „дни предшествующіе праздникамъ получили у насъ названіе „кануно въ“ (даръ) отъ того, что въ древнее время былъ у насъ, вѣдѣ за Греціей, обычай приносить на вечерин въ эти дни вмѣстѣ съ кутьей въ честь праздниковъ или святыхъ, брашна и овощи въ даръ священникамъ, которые пѣли надъ нимъ задравный молебенъ, называвшійся также кануномъ. Братчинное пиво называлось кануномъ. Въ Акт. Арх. Эксп., т. I, № 234 (стр. 237) говорится „а которымъ людемъ лучити къ празднику канунъ сварити“.

²⁾ Волгской сурь значить герой повольницы, пускавшей по Волгѣ, за добычей и воинскою славою.

Въ повѣсти объ „Аника-Воинъ“. издревле ходившей въ народѣ, также упоминается о стародавнемъ обычаѣ „читать канонъ празднику“, то есть сообща праздновать, собирать пиръ и варить для этого пива ячвыя. Аника Воинъ, принадлежащій къ циклу богатырей до-татарскаго времени, ѣздя по полю по пути къ Иерусалиму, повстрѣчалъ смерть, и сначала дивился этому чуду, смѣялся и пугалъ ея, но потомъ скоро ослабѣлъ и сталъ умолять смерть дать ему отсрочку, обѣщая снять съ лѣкъ на икону, поставить въ церковь во соборну:

„Будемъ мы тебѣ по лаяться
 „И будемъ тебѣ всѣ покоряться
 „Будемъ тебѣ молебны исправляти
 „И будемъ въ канонѣ тебѣ читати“.

Смерть все отвергла и сказала:

„Рабъ человекъ, Аника-Воинъ,
 „Нельзя мнѣ во церкви стояти
 „Нельзя мнѣ молебны исправляти
 „Нельзя мнѣ въ канонѣ читати“.

При этомъ смерть замѣчаетъ, что она застигаетъ всюду человека и при церкви соборной, при торгу при базарѣ, при пиру, при бесѣдѣ ¹⁾).

Такія братчины справлялись по деревнямъ и мѣстечкамъ несомнѣнно въ тѣхъ трапезахъ, о которыхъ выше было упомянуто. Для варенія общестреннаго „молебнаго“ пива и меда при церквахъ и часовняхъ существовали особые мѣдныя котлы, ведеръ въ 20-ть, и чаши (бративы), находившіяся въ завѣдываніи церковнаго старосты и, въ частности, трапезника, на котораго, какъ мы видѣли, возлагалась обязанность собирать это „сыпное мірское“ (хлѣбъ, солодъ, хмѣль) съ прихожанъ ²⁾. Иногда въ приходѣ устраивалась

¹⁾ Былины эти приведены изъ сборника Кириши (Кирилла) Данилова, Москва 1818 г., (Древ. росейс. стихотв., 2 изд.), стр. 76, 270, 271; изъ пѣсепъ, собр. Кириевскимъ, 1863 г., часть II, стр. 4 (тоже стр. 11), 46, 51 и ч. I, вып. IV, стр. 125 и слѣд. — См. Сисгирева, Рус. просгон. праздн. вып. IV, стр. 83. Описание братчины находится также въ повѣсти: „Горь-Злочастіе“, помѣщенной въ Памятн. старин. рус. литер., изд. подъ редакціей Костомарова, 1860 г., вып. первый.

²⁾ Братива, какъ самое ея названіе указываетъ, быть сосудъ, предназначенный для братской товарищеской попойки. на подобіе горшка съ пок-

особая пивная поварня, снабженная необходимой посудой. Это пиво (брагу) или медъ носили предварительно въ церковь для освященія, почему оно и называлось „молебнымъ“, и кромѣ того, по тому празднику, къ которому оно готовилось, называлось еще „никольскимъ, покровскимъ“ и т. п. Ъда приготавливалась тоже въ складчину и обыкновенно, по отходѣ обѣдни и послѣ благословенія священникомъ яствъ и питій, прихожане вмѣстѣ съ женами усаживались по кругамъ (человѣкъ по тридцати въ кругу) и принимались за свое мирское угощеніе.

*Судъ
братчины.*

На собранія братчинъ приглашались въ качествѣ гостей и постороннія, нерѣдко почетныя, лица (даже князья), такъ что въ этихъ сельскихъ братчинахъ участвовали не только крестьяне, но и владѣльцы вмѣстѣ съ ними заурядъ, а равно и должностныя лица ¹⁾. На этихъ праздничныхъ собраніяхъ старшими членами общины обсуждались не только церковно-приходскія дѣла, но также и другія общественныя, промышленныя и торговыя дѣла и предиріятя, причемъ къ сроку собранія братчины приурочивались разные расчеты и платежи. Всѣ условія такихъ продолжительныхъ и организованныхъ въ опредѣленномъ помѣщеніи собраний придавали этимъ собраніямъ выдающееся общественное значеніе въ обиходѣ древне-русской жизни. Въ братчинахъ, собиравшихся въ опредѣленномъ личномъ составѣ постепенно вырабатывались свои правила и порядки и братчики старались охранить и оградить внутреннюю жизнь своего собранія, свои обычаи и обряды, отъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Продолжительность празднованія и сложное устройство братскихъ складочныхъ пировъ вызвали потребность въ руководителѣ праздника и такимъ руководителемъ сталъ тотъ же церковный староста, который на это время

рышкой. Изъ нихъ пили черная чумками, чернальцами и ковшами; на братинахъ чаще всего были узоры и травы. Любопытно, что въ древней русской кухнѣ пеклись изъ толченой муки калачи называвшіеся братскими, а также караваи братскіе. См. Костом. Очер. домаш. жизни, стр. 80, 82, 115, 117.

¹⁾ На пирахъ и братчинахъ участвовали люди разныхъ сословій, отчего и осталась пословица: „пиръ на весь міръ“: тамъ были и воеводы, и дьяки и люди торговые, и простые и садскіе, или уѣздные: См. новѣсть „Горь-Злочастіе“, въ Памятн. старин. рус. язгер. 1860 г., вып. I.

превращался въ „пироваго старосту“, а пирующие братчики получили характерное названіе „пивцовъ“ („пировлянь“, „пировщиковъ“) ¹⁾“. Сначала братчины пріобрѣли естественнымъ путемъ право надзора за благочиніемъ и тишиной на многочисленныхъ своихъ собраніяхъ, при обязанности „пироваго старосты“ съ нѣкоторыми „пивцами“ мирить ссорящихся, а затѣмъ, при господствѣ въ старину общинныхъ началъ, постепенно укрѣпилось за братчинами и право суда надъ лицами, совершавшими во время собранія буйства, безчинства и покражи.

Въ судныхъ грамотахъ XIV и XV вѣковъ встрѣчается слѣдующая выработанная юридическая норма: „братчина судить, какъ судьи“. Эта норма помѣщена въ Псковской судной грамотѣ, гдѣ также предписывается всякому псковитянину, у кого, между прочимъ, случится кража во время пированія (въ братчинѣ), объявлять объ этомъ „пировому старостѣ“, или „пивцамъ“ („а въ пиру ино къ пировому старосте, или пивцамъ явити...“) ²⁾.

¹⁾ Въ изданной Мурзакевичемъ Псковской Судной Грамотѣ помѣщенъ въ концѣ пояснительный словарь, и на стр. II дается такое опредѣленіе „пировому старостѣ“: „выборный, завѣдывающій складчиною „прихожанъ“ на „братчину“, то есть варку пива, меда или браги, по случаю храмоваго приходскаго праздника (Рождествена, Никольщина).

Бестужевъ Рюминъ (Рус. ист., т. I, стр. 469) замѣчаетъ: „пиры и братчины устраивались приходомъ въ храмовые праздники“.

Въ Актахъ Холмогорской и Устюжской епархіи (Рус. Ист. Биб., т. XIV за № 269, стр. 617) указывается на роль „пироваго старосты“ при такихъ общественныхъ собраніяхъ. Актъ относится къ 1615 году.

²⁾ „А братьщина судить (ъ), какъ судьи“; Мурзакевичъ, Псковская Судная Грамота, стр. 15, 2 изд. 1868 г.—Тамъ же помѣщено правило о примиреніи безъ знанія судебныхъ пошлинъ: „А кто съ кимъ побѣется во Псковѣ, или на пригородѣ, или на волости „на пиру“, или гдѣ индѣ, а только приставомъ не позовутся, а промежъ себѣ прощенье возмутъ, ино ту князю продажи нѣтъ“ (стр. II). Въ позднѣйшихъ уставныхъ грамотахъ дѣла о побояхъ, учиненныхъ на братчинныхъ сходкахъ и пирахъ, тутъ же полюбовно оконченныхъ, тоже освобождались отъ подеудности намѣстника и признавались относящимися до компетенціи братчинныхъ судовъ. Если ссора, начавшись въ братчинѣ, даже и внѣ ея, окончилась миромъ, то и тогда княжескіе чиновники не могли взыскивать судебныхъ пошлинъ, и только приставъ получалъ „хоженное“, если былъ призванъ. См. напр. уставную Лвинскую грамоту Великаго князя Василія Дмитріевича отъ 1398 г. (№ 13, Акты Археогр. Экспедиціи, т. I, тоже № 150).

При томъ довѣрїи вообще къ общинѣ, которое выказывалось ей со стороны великихъ князей и царей, и которое, какъ было выше сказано, выражалось предоставленіемъ многимъ общинамъ по особымъ жалованнымъ грамотамъ права суда чрезъ своихъ излюбленныхъ судей, даже надъ лихими людьми (разбойниками, грабителями и душегубцами)—съ устраненіемъ при этомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ правительственнаго суда (намѣстниковъ, волостелей и ихъ помощниковъ-тіуновъ),—весьма естественно, что односельчане, соединявшіеся въ своихъ погостахъ, при мѣстныхъ церквахъ, въ приходскія общины, въ братчины, приобрѣтали, въ лицѣ своихъ избранныхъ людей, право надзора и суда надъ лицами, производившими смуты и раздоры во время сходокъ братчиковъ. Конечно такой судъ братчинъ былъ судомъ по преимуществу примирительнымъ по дѣламъ маловажныхъ правонарушеній (ссоръ, обидъ словомъ и дѣйствіемъ, мелкихъ кражъ), учиненныхъ тутъ же на мѣстѣ, во время собранія, и которыя можно было покончить примиреніемъ, или же уплатою обиженному пени. Судъ братчинъ, какъ судъ мировой, являлся относительно проступковъ, совершенныхъ въ братчинныхъ собраніяхъ, тѣмъ болѣе желательнымъ и подходящимъ, что въ большинствѣ случаевъ проступки эти учинены были въ нетрезвомъ видѣ, служившемъ въ старину обстоятельствомъ смягчающимъ наказаніе, а также иногда влекущимъ за собою и легкость примиренія между тяжущимися сторонами. Къ этому суду братчинъ, вѣроятно, народъ охотно прибѣгалъ также въ видахъ избѣжанія уплаты тяжелыхъ судебныхъ пошлинъ, налагаемыхъ княжескими чиновниками.

Правительственная охрана интересовъ братчины.

До насъ дошелъ изъ глубокой древности пѣлый рядъ уставныхъ грамотъ, жалованныхъ повсемѣстно въ Россіи, разнаго рода сельскимъ и городскимъ общинамъ, большимъ и малымъ, и изъ этихъ грамотъ усматривается съ какимъ довѣріемъ высшее правительство относилъ съ къ крестьянамъ и простымъ горожанамъ, позволяя имъ, по ихъ вѣковому обычаю, составлять сходки и собранія для совокупныхъ дѣлъ и совокупнаго празднованія, и какъ старательно оно оберегало проявившуюся издавна въ народѣ потребность обходиться въ маловажныхъ случаяхъ собственнымъ судомъ и расправой; при этомъ весьма примѣчательно то, что

высшее правительство оберегало эти братчинныя права отъ своихъ же собственныхъ чиновниковъ, которыхъ волокита въ дѣлахъ и всякаго рода злоупотребленія власти, а въ особенности несправедливыя и чрезмѣрные поборы съ народа, ему были хорошо извѣстны. Такъ, въ этихъ грамотахъ съ замѣчательнымъ постоянствомъ повторяется запрещеніе всякаго рода княжескимъ чиновникамъ ѣздить на братчины незванными. Кто же изъ этихъ чиновниковъ ослушается этого приказа и пріѣдетъ непрошенный и незванный на братчину и станетъ пировать и пить насильно, тотъ обязывался, безъ суда и безъ слѣдствія, платить вдвое за всякое лихо, которое произойдетъ на братчинѣ и, сверхъ того, подвергался наказанію и денежному взысканію по приговору великокняжескаго суда. Вотъ въ какихъ именно выраженіяхъ писался въ старинныхъ грамотахъ этотъ запретъ: „А на пиры и въ братчины не ходитъ незванъ никто (въ другихъ грамотахъ прямо перечислялись:—тіуцы и иные намѣстничьи люди и волостелипы и боярскіе люди, и воротники), а кто къ нимъ придетъ въ пирь, или въ братчину, пити незванъ и они того вышлютъ вонъ безпечно; а кто у нихъ учнетъ пити сильно (то есть насильно), а учинится у нихъ въ томъ пиру или въ братчинѣ какова гибель, и язъ ту гибель велю на томъ взяти безъ суда и безъ исправы“ (то есть безъ слѣдствія); въ другихъ грамотахъ значится: „и тому та гибель платити вдвое“; въ многихъ грамотахъ въ концѣ помѣщались еще слѣдующія слова: „а отъ меня отъ Великаго Князя быти (ослушнику) въ казнѣ (и) и въ продажѣ“ (то есть пени). Въ нѣкоторыхъ великокняжескихъ грамотахъ прямо указывалось, что отъ этой ѣзды незванныхъ на пиры и въ братчины „чинилось душегубство и татьба, и иныхъ лихихъ дѣлъ много“¹⁾).

¹⁾ Весьма примѣчательно, что эти правительственныя запрещенія ходить безъ зова въ братчину нашли себѣ отголосокъ въ нашей древней духовно-назидательной литературѣ. Такъ въ книгѣ „Пчела“ 1623 года, на листѣ 217, встрѣчается такой совѣтъ: „а незванъ въ пирь не ходи, аще сваршиши въ немъ, и начнеша на чашника жаловатися, глаголюще лихою ми еси рукою далъ пити“. См. Горекій и Невоструевъ. Описан. слав. рукоп. Моск. Синод. Биб. № 314, стр. 562. Нахожденіе при пирѣ „чашника“ весьма любопытно для подробнаго выясненія организациі этого мірскаго учрежденія. Въ медовыхъ братствахъ западной Россіи также постоянно

Заботливость великокняжескаго правительства въ огражденіи интересовъ крестьянъ и вообще простолюдиновъ, отъ своеволія чиновниковъ, которые, въ качествѣ незванныхъ гостей, пріѣзжали на пародные праздники не столько для пированія и дароваго угощенія, сколько съ цѣлью взысканія разныхъ поборовъ съ братчинъ, деньгами и натурой, простиралась даже до того, что особыми запрещеніями сдерживался этотъ произволь и званыхъ. Въ приведенной выше грамотѣ (Дмитровскаго князя Юрія Іоанновича отъ 29 Іюля 1509 года) говорится далѣе: „а кто изъ братчинъ позоветъ къ себѣ тіуна или доводчика (сыщика или слѣдователя) пити въ пиръ или въ братчину, и они пивши, да тутъ не ночуютъ, а ночуютъ въ иной деревнѣ, а насадокъ изъ пировъ и изъ братчинъ у нихъ не емлютъ“¹⁾. Последнія слова грамоты указываютъ на то, что обыкновенно съ братчинъ

встрѣчаются при братскихъ пириествахъ „ключники“. то есть тѣ же „чашники“.

1) Свѣдѣнія о правительственныхъ распоряженіяхъ въ отношеніи братчинъ почерпнуты изъ уставныхъ грамотъ, помѣщенныхъ въ Актахъ Археологической Экспедиціи, изд. Имп. Акад. Наукъ 1836 г., причѣмъ обращено было особенное вниманіе на слѣдующіе акты: г. I. №№ 11 (1391 г.) „а въ которое село пріѣдетъ игумень въ братчину и сынци дають по зобѣ овса конемъ игуменовымъ“, 50 (1453 г.), 72 (1462 г.); 102 (1476 г.); 103 (прежде 1477 г., запись Новгородская о церковномъ судѣ, въ которой встрѣчается тоже выраженіе „братчина судить какъ суцы“: 114 (1485 г.); 122, 123 (1488 г.); 139 (1504 г.), 143 и 144 (1506 г.), 150 (1509 г.); въ этой грамотѣ, между прочимъ, сказано. „а въ виру или въ братчинѣ посварятся или побьются, а не вышедъ и ть виру помиряется, и ловчему и его тіуну въ томъ нѣтъ ничего, а вышедъ изъ виру помиряется за приставомъ, и ловчему и его тіуну въ томъ нѣтъ ничего, опрічь хоженного“: 159 (1515 г.); 171 (1522 г.); 181 (1536 г.); 183 (1537 г.); 234, 240 (1554 г.); 324 (1584 г.); 329 (1585 г.); 348, 357 (1593 г.). т III. 133 (1623 г.); 139 (1623 г.); 217 (1548 г.).

См. Описан. Государ. Арх. стар. дѣль: составленное П. Ивановымъ (Москва, 1850 г., стр. 209); грамота вел. кн. Василя Васильевича (23 Февраля 6961 г.) о томъ, что-бы въ митрополичьи села на шры, братчины и праздники никто незванный не ѣздилъ, съ указаніемъ, что отъ этой ѣзды бывасть много лихихъ дѣлъ.

См. также Акты относящ. до юрид. быта древн. Россіи, изд. Арх. Ком. 1857 г., т. I № 38, стр. 126: 1462—1478 г., Грам. жалов. на непринятіе незваныхъ людей на шры, братчины и праздники

См. также акты историческіе, изд. Арх. Ком., г. I: №№ 59 (1455—1462 г.) 74, 109, III, 125, 137.

взыскивались разные поштины и поборы (въ пользу должностныхъ лицъ, помѣщиковъ и ихъ прикащиковъ), отъ которыхъ великіе князья особыми грамотами освобождали нѣкоторыя волости ¹). Общимъ обыкновениемъ было, что чиновники, прїѣзжая на братчины, содержались на счетъ крестьянскаго общества вмѣстѣ съ своими людьми и сверхъ того брали съ него пошлину. Эта поштина взыскивалась на томъ основаніи, что для своего мѣстнаго праздника братчина, какъ мы видѣли, въ складчину цѣлымъ селомъ или деревней варила пиво и медъ, а это право варенія и куренія вина и спиртныхъ напитковъ и продажу ихъ казна всегда присваивала исключительно себѣ, и разрѣшала это вареніе частнымъ лицамъ и обществамъ подѣ условіемъ уплаты акциза („капцизы“—на западѣ Россіи и въ Польшѣ), и только дворянамъ и служилымъ людямъ разрѣшалось варить пиво и медъ для собственнаго употребленія („про себя“ или „про свою нужу“) ²). Подѣ словомъ „насадокъ“, употребленномъ въ грамотѣ, и надо понимать опредѣленную пошлину съ приготовленныхъ питей, которая взыскивалась натурой (ведрами), или же опредѣлялась деньгами ³); приготовленіе же народомъ напитковъ разрѣшалось особыми постановленіями только въ опредѣленные дни въ году, какъ напримѣръ: къ Пасхѣ, къ Дмитровской субботаѣ, къ Николину дню и къ Масляной, да и то указывалось сколько именно дней вольно было потреблять эти

¹) Въ уставной грамотѣ царя Ивана Васильевича говорится: „А у кого будетъ на погостѣ или въ волости пирь или братчина, и онъ несетъ тѣну насадку питья ведро, какое питье, да хлѣбъ, да куря у него лучителъ. А не люба будетъ насадка питья и хлѣбъ и куря, и она дадутъ за питье деньгу, за хлѣбъ деньгу, за куря деньгу. А тѣночь и другимъ намѣстничимъ людямъ на пирь и на братчины незваннымъ къ нимъ не ѣздити, опричь доводчика (то есть пристава или посыльнаго сыщика при судѣ, а иногда въ значеніи допущеннаго и доказателя) Рус. Достопамят., ч. I, стр. 130.

²) См. Акты Арх. Эксп., т. III, № 146 (1623 г.) „да и самимъ излюбленнымъ головамъ питья на продажу не держати“. (См. уставъ Важскую грамоту 1552 г. въ Актахъ Арх. Эксп., т. I, № 234 (стр. 237); См. также грам. царя Василія Ивановича Шуйскаго въ Пермь великую, Востокова, Опис. рук. Румянц. музей, стр. 71.

³) Ibid., т. I, № 348 (1590 г.): „прикащику Троицко-Сергіева монастыря съ братчинъ имати по цѣк денги“.

питіи („а пити три дня“) ¹⁾. Обыкновенно съ братчинъ шло волостелю (вѣроятно и намѣстнику въ городахъ), два раза въ годъ съ приготовленныхъ напитковъ, къ Пасхѣ и къ Николину дню— „по насадкѣ (ведру) пива“— „а не любя насадка—алтынъ“. Изъ этихъ правилъ мы видимъ, что освобожденіе братчинъ отъ уплаты этихъ пошлинъ и предоставленіе имъ въ извѣстные дни въ году и въ храмовые праздники варить безпошлинно пиво, медъ и брагу было большою льготою. Кромѣ того братчинамъ дозволялось приглашать на свои праздники скомороховъ „веселыхъ молодцевъ“, которымъ однако въ грамотахъ запрещалось самовольно являться на праздникъ безъ приглашенія братчинъ ²⁾. Скоморохи, ходившіе изъ села въ село большими ватагами человекъ въ 50, 70 и 100, составляли неизбѣжную принадлежность пиршествъ и обрядныхъ торжествъ языческой Руси, и понятно, что правительственная власть, согласно указаніямъ духовенства, старалась по возможности ослабить языческія народныя привычки, а потому и издавало стѣснительныя правила для скомороховъ ³⁾.

Надо вообще замѣтить, что съ укрѣпленіемъ христіанства на Руси, когда пастыри церкви возвысили свой авторитетный голосъ противъ остатковъ язычества, противъ „игръ и позоровъ бѣсовскихъ и плясокъ срамныхъ“ ⁴⁾, раз-

¹⁾ См. Акты Арх. Эксп. т. I, № 234 (1552 года) и т. III, № 37 (XVII вѣкъ).

²⁾ См. о запрещеніи этихъ безчиній въ Стоглавѣ, изд. Прав. Собесѣд. 1862 года, Казань, стр. 181.

³⁾ См. подробности о внутренней жизни братчинъ и отношеній, въ которыхъ онѣ стояли къ мѣстной власти, въ стат. А. Понова, „пирь и братчины“, помѣщенной въ Архивѣ ист. юрид. свѣд. отн. до Россіи, изд. П. Калачова, т. II, стр. 30 и послѣдующія.

См. также стат. П. П. Мальшеваго, О церковно-приходскихъ пошечительствахъ (Правосл. Обзор., Февраль 1878 г.). Онъ замѣчаетъ: „Чувство братскаго сближенія подъ вліяніемъ новой вѣры участвовало и въ развитіи братчинъ въ русскихъ приходскихъ общинахъ. На братскую складку устраивался общій праздничный обѣдъ или трапеза, часть изъ складочнаго сбора шла на церковь, часть удѣлялась бѣднымъ. На братчинахъ за круговыми чашами пѣлись тропари въ честь праздника, святаго, за князя, за мѣръ. Иногда могли здѣсь, какъ на древнихъ атакахъ, пѣться и свои духовныя стихи, какъ намекаетъ начало одного поученія о застольныхъ тропаряхъ: „Трапеза ставится, Христосъ Богъ славится“.

⁴⁾ См. въ Стоглавѣ (изд. Прав. Собесѣд. 1862 г., Казань), стр. 178—192;

гуль, сопровождавшій обыкновенно языческія празднества ослабѣвалъ понемногу, и наши братчины, образовавшіяся на церковной почвѣ, уже являлись понемногу очищенными отъ языческихъ суевѣрій и обрядностей; общественныя увеселенія, приурочиваемыя къ святымъ днямъ, теряли постепенно свой прежній языческій колоритъ. Конечно братчинныя пиры сопровождались излишествами въ ѣдѣ и питьѣ, но во всякомъ случаѣ это излишество не вмѣнялось участвующимъ въ обязанность, какъ во времена языческія, когда требовалось объѣдаться на священныхъ пирахъ и воздержанность почиталась за стыдъ. У древнихъ приходскихъ общинъ, какъ мы видѣли выше, церковно-религіозные интересы ставились на первомъ планѣ. Устраивая по праздникамъ свои братчинныя пиршества, эти общины по установившемуся христіанскому обычаю, заключавшемуся въ удѣленіи при общественномъ пированіи милостыни убогимъ и нищимъ, не забывали въ свою очередь дѣль христіанскаго милосердія ¹⁾. По стародавнему порядку наши

особенно въ статьѣ „О пирищахъ еллинскаго бѣсованія“, стр. 390—402. См. правило митрон. Кирилла, въ Рус. Достопамят., ч. I, стр. 114.

Въ особенности любопытно имѣть въ виду подробный перечень на родныхъ суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ, помѣщенный въ Царской грамотѣ 1648 года (См. Опис. госуд. арх. стар. дѣлъ, состав. П. Иваномъ вымъ, Москва, 1850 г., стр. 296—299), а также подобная грамота, посланная въ Тобольскъ и другіе города Сибири, въ Акт. Ист., т. I, № 35.

Правилами 55 Лаодикійскаго и 71 Карфагенскаго соборовъ христіанамъ запрещалось устройство такихъ склепныхъ пировъ см. Правила св. помѣст. собор., 1880 г., стр. 272, 273, 569 и 571. Въ Славянской кормчей, въ правилѣ 60 говорится: „въ памяни святыхъ при церквахъ сходящіяся людіе на молитву пированія да не творятъ ни игралицъ, ни боевъ. Ся бо еллинска суть, а не христіанска“.

¹⁾ См. объ обычаѣ нашихъ великихъ князей раздавать милостыню при пированіи, напр. у Макарія, Ист. рус. цер., т. III, стр. 267 и послѣд., у Снегирева, Русск. простонар. празд., т. I, стр. 194, 196. См. въ особенности о времени Св. Владиміра въ Лаврентьевой лѣтописи (П. С. Р. Л., т. I, стр. 53 и 54). Изъ этой лѣтописи усматривается, что пиры великаго князя Владиміра приурочивались къ церковнымъ торжествамъ—особенно при поставленіи новой церкви—и сопровождались обильнымъ удѣленіемъ средствъ на нужды церкви, а также широкой раздачей милостыни бѣднымъ и убогимъ, не только приходившимъ ко двору княжескому, но и тѣмъ, которые, по помощи, оставались въ домахъ, этимъ послѣднимъ княжеская милостыня, состоявшая изъ хлѣба, мяса, рыбы, овощей, меда и кваса, развозилась по городу.

братчины продолжали для пировъ сыгить медъ и варить пиво, но старались приготовить напитковъ побольше, а выпить поменьше; остатокъ этотъ предназначался въ продажу, а вырученныя деньги поступали на нужды церковныя, на дѣла благотворительныя, а оставшійся отъ сыченія меда воскъ шелъ на церковныя свѣчи

*Братчины
свѣтъ организованныя
церковно-приходскіе
союзы.*

Свѣдѣнія о древне-русскихъ братчинахъ постоянно появляются въ древне-русскихъ актахъ, начиная съ XII и кончая XVII столѣтіемъ, и указываютъ на сильную сплоченность нашихъ церковно-приходскихъ общинъ. Опираясь на эти многочисленныя историческія свидѣтельства, можно, кажется, съ достаточною увѣренностью заключить о томъ, что существованіе такихъ братчинъ указывало вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, что въ этой мѣстности были образованы церковныя православныя союзы при мѣстныхъ приходскихъ храмахъ, съ выбранными церковными старостами во главѣ приходскаго самоуправленія, съ возложеніемъ на всѣхъ прихожанъ обязанности заботиться о нуждахъ своей церкви и оказывать попеченіе ютящимся около храмовъ мѣстнымъ бѣднымъ, больнымъ, дряхлымъ и увѣчнымъ, съ правомъ примирительнаго суда и расправы надъ провинившимися сочленами, съ неизбѣжными складочными пирами въ дни большихъ праздниковъ, а также въ дни мѣстныхъ храмовыхъ. — Эти церковно-приходскіе союзы являлись весьма полезными для церкви учрежденіями и были отнюдь не случайными и рѣдкими явленіями въ нашей древней жизни, а напротивъ повсемѣстно составляли, какъ бы неизбѣжную и характерную принадлежность древне-русскаго быта. Такъ, изъ указанныхъ грамотъ и изъ другихъ источниковъ, о которыхъ рѣчь ниже, мы видимъ въ глубокую древность такіа братчины повсюду: въ земляхъ Повгородскихъ, Исковскихъ, Московскихъ, Полоцкихъ и прочихъ частяхъ западной Россіи, въ городахъ Владимірѣ, Угличѣ, Ярославлѣ ¹⁾. въ кре-

¹⁾ См. *Временникъ Имп. Моск. общ. ист. и древ. Россійскихъ*, 1850 г., кн. VII, смѣсь, стр. 67. Стѣдственное дѣло объ убійствѣ во время братчины доносеніе Ярославскаго губнаго старосты царю Михаилу Феодоровичу. — см. опис. церк. слав. и рус. рукоп. сборн. Имп. Публ. библ., ч. I (1882 г.), № XLVIII: Явочная челобитная унжанина Понизовской волости, Ивашки Семенова сына Шенна, подавшая въ 1611 году, послѣ Дмитріевскихъ субботъ, на Козму Дубининаго, который, бывъ на братчинѣ у Шенна, импортилъ у него женишку его Акулину Пгнатьеву „сердечною порчею“.

стьянскомъ быту и у горожанъ Бѣлозерскаго края (Заозерье, Московскаго княжества, въ XV вѣкѣ) у рыболововъ Переяславскихъ (на озерѣ Переяславлѣ, во Владимірской области), въ краѣ Онѣжскомъ у Онѣжанъ, у горожанъ Устюжскихъ, въ волостяхъ Двинскихъ (у Холмогорцевъ, Унянъ и Ненокшанъ), у разныхъ дворцовыхъ и монастырскихъ крестьянъ, въ томъ числѣ у бобровниковъ (занимавшихся бобровымъ промысломъ) въ разныхъ волостяхъ и мѣстечкахъ русскаго государства.

Неразработанность въ исторической литературѣ интересной темы о жизни и дѣятельности древняго прихода не позволяетъ съ желательной полнотой освѣтить со всѣхъ сторонъ также и того положенія и значенія, которыя приобрѣли братчины въ народной жизни; но и тѣ небольшія и бѣглыя изысканія, которыя сдѣланы на предъидущихъ страницахъ, позволяютъ съ нѣкоторою положительностью утверждать, что братчины, въ смыслѣ „повольныхъ союзовъ прихожанъ“, зародились въ незапамятную древность въ нѣдрахъ церковно-общинной жизни и, получивъ отъ христіанства высшую цѣль и содержаніе для своей дѣятельности, приобрѣли многозначительное и плодотворное значеніе въ древней церковно-общественной жизни. На востокѣ Россіи и въ средней ея полосѣ закрѣпощеніе крестьянъ сильно придавило ихъ самобытную общественную жизнь, а расколъ направилъ религіозныя и церковныя потребности нѣкоторой части нашего народа по ложному пути, а потому и церковно-приходская жизнь не получила дальнѣйшаго своего развитія; на западѣ же Россіи, хотя закрѣпощеніе народа было и не менѣе сильно, но за то особыя политическія обстоятельства, при извѣстной свободѣ тамошней городской жизни, вызвали къ бытію и къ необычайной дѣятельности православныя церковно-приходскіе союзы, явившіеся съ характеромъ болѣе постояннымъ и устойчивымъ, нежели тѣ, которые были на востокѣ. При изложеніи историческаго очерка о дѣятельности этихъ союзовъ въ сѣверо и юго-западной Россіи мы постараемся указать, какія громадныя силы таились въ этой несложной по формѣ, но крѣпкой по духу, церковно-общественной организаціи.

А. Папковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)